

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА: АФРИКА В ЦЕНТРЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ И ПОЗИЦИИ РОССИИ

Ирина АБРАМОВА

Института Африки Российской академии наук

Лора ЧКОНИЯ

МГИМО МИД России

Аннотация: Осенью 2019 года накануне Первого Саммита Россия-Африка в российском информационном пространстве впервые заговорили о новых возможностях Африки. «Африканская тематика» становилась все более значимой с началом специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года, последующим принятием новой Концепции внешней политики России в 2023 году и актуализацией контактов России с т.н. Глобальным Югом. Современная Африка – это континент возможностей, а не угроз, как о нем было принято говорить еще лет десять назад. Возрастает сама субъектность все большего числа государств африканского континента. Многие из них продолжают наращивать свой потенциал за счет быстрорастущего молодого населения.

Вместе с тем, на фоне назревающей глобальной сырьевой схватки за Африку и новых попыток ее ресурсной колонизации и раздробления, континент нуждается в честных партнерах, ориентированных на прагматичный, но взаимовыгодный подход. В этом контексте Россия активно выступает за усиление суверенитета и развитие национальных экономик стран континента, оперируя концепцией «дороги с двухсторонним движением». Саммиты «Россия-Африка» (в 2019 и 2023 годах) ознаменовали новую веху в российско-африканских отношениях и привели к конкретным практическим результатам: установлению новых контактов и укреплению доверия и взаимного интереса представителей политических, деловых, научных и культурных кругов.

Эти и другие темы были затронуты в беседе Лоры Чконии, младшего научного сотрудника Института международных исследований МГИМО МИД России, с доктором экономических наук, директором Института Африки РАН, членом-корреспондентом РАН Ириной Олеговной Абрамовой.

Ирина Олеговна Абрамова – доктор экономических наук, директор Института Африки Российской академии наук, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, профессор.

ORCID: 0000-0003-2407-0073. E-mail: irina.abramova@inafr.ru
123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

Лора Евгеньевна Чкония – младший научный сотрудник Центра африканских исследований, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-5689-7908. E-mail: l.chkonoya@inno.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 21.02.2024

Принята к публикации: 04.03.2024

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: Африка, российско-африканское сотрудничество, международные отношения, Саммит «Россия-Африка», международная торговля, Глобальный Юг

Лора Чкония (Л.Ч.): Африку принято называть континентом XXI века. Тем не менее, вопреки оптимистичным прогнозам, она сталкивается с рядом серьезных вызовов. Как африканские страны могут мобилизовать свои ресурсы – природные и человеческие – для укрепления суверенитета и политических позиций на международной арене?

Ирина Абрамова (И.А.): Вы абсолютно правильно подметили, что по Африке, особенно в российском информационном пространстве, длительное время звучали в основном пессимистичные прогнозы. Африку связывали с бедностью, голодом, конфликтами, вооруженными столкновениями, терроризмом, долговым бременем и массой других проблем. К сожалению, такой негативный образ Африки повлиял в том числе и на представления российского обывателя об этом континенте.

О том, что Африка – континент возможностей, заговорили накануне первого Саммита России-Африка в 2019 году, и особенно активно в 2022 г., с началом специальной военной операции (СВО). В новой Концепции внешней политики России основной упор делается на развитие отношений с Глобальным Югом, при этом мы отошли от концепции поворота России на Восток, которую мы провозгласили еще в 2014 г. Теперь мы воспринимаем все страны Глобального Юга как наших потенциальных партнеров, и здесь Африка занимает особое место.

Это континент, который уже сегодня насчитывает почти 1,5 млрд человек, причем население это молодое – 60% моложе 25 лет. Кроме того, Африка обладает уникальными ресурсами, но очень часто, когда говорят о континенте, начинают с золота, платины или драгоценных камней. Не так часто упоминают, что африканские страны обладают ресурсами, необходимыми для развития современных высокотехнологичных отраслей. Более того, эти ресурсы не до конца исследованы и не до конца распределены между мировыми игроками. Это значит, что глобальная сырьевая схватка за Африку еще впереди.

Для того, чтобы обеспечить суверенитет и укрепить свои международные позиции, африканским государствам необходимо объединяться со странами с аналогичными задачами, искать партнеров, с которыми возможно взаимодействие на равных. А для этого необходимо выстраивать новую систему международных отношений, отходить от отживших форм, в том числе институциональных, административных и финансовых, которые были навязаны Западом. Этот процесс будет длительным, но уже сейчас какие-то подвижки происходят. В России также осознали, что перед нами стоят совершенно другие задачи и что будущее не за Западом, а за тем самым Глобальным Югом: по реальным богатствам и потенциальному именно он уже давно гораздо

богаче Запада. В частности, в мировом ВВП доля стран БРИКС+ по паритету покупательной способности превысила долю «Группы семи». Можно считать все в долларах, а можно считать, например, в таких богатствах, как ресурсы, необходимые для развития современных высокотехнологичных отраслей, или в тех перспективах, которые есть у континента. Уже сейчас, если мы все справедливо пересчитаем, окажется, что африканские страны по многим показателям превосходят Запад.

Л.Ч.: Российский «поворот к Африке» происходит на фоне растущего общего интереса к континенту. Новые игроки предлагают альтернативные, привлекательные для африканцев модели сотрудничества, в то время как традиционные партнеры также стремятся укрепить свои позиции. Становится ли Африка площадкой для противостояния третьих стран и является ли это угрозой для континента? И как на сегодняшний день распределились зоны влияния между внешними игроками в разных субрегионах Африки?

И.А: Африка становится важной ареной конкуренции многих государств, при том, что сам континент стремится стать полноценным субъектом, а не объектом международных отношений. Тем не менее, действительно, есть традиционные игроки, которые давно работают на африканском континенте. В первую очередь это бывшие метрополии, в целом почти все европейские государства. Товарооборот Африки с европейскими странами по совокупности является самым большим – это больше 400 млрд долл. ЕС остается главным торговово-экономическим партнером африканского континента в силу традиционных связей, географической близости, языковой общности.

В случае с США ситуация совершенно иная. Где-то до 2008–2010 гг. торговля США с Африкой доходила до 100 млрд долл., но потом резко сократилась до 49 млрд долл. При этом интерес угас даже вопреки реализации специальной программы AGOA¹ по предоставлению преференций в торговле. Сегодня ситуация меняется. Соединенные Штаты активизировали свою деятельность на континенте, наращивают торговлю, пытаются занять высвобождающиеся, в том числе их союзниками, ниши. Примечательно, что интерес у США возник только после того, как в Африке активизировались Китай и Россия. Новая африканская стратегия США, принятая при Д. Трампе, подчеркивала важность недопущения развития влияния Китая и России на этом континенте. Таким образом, их стратегия основана на слове «нет».

Очень активно работает по африканскому направлению Япония. В принципе, Токио в какой-то степени повторяет все то, что делают в Вашингтоне, делая упор на инвестиции в тех отраслях экономики, которые выгодны Западу – зеленой экономике, стартапах, цифровизации и диджитализации.

В рамках ЕС отдельно можно выделить Францию. Она традиционно сохраняет свое влияние во франкофонных странах, причем сегодня ставит акцент на культурно-образовательное сотрудничество, сохраняя при этом

¹ African Growth and Opportunity Act (AGOA)

в ряде африканских стран свое военное присутствие. В целом Парижу достаточно успешно это удавалось до недавнего времени, но сегодняшняя политика Макрона полностью провалилась. Еще одна причина – глубинно-исторические корни, которые тянутся еще со времен колониализма.

После выхода из ЕС Британия активизировала свою политику в Африке, в том числе потому, что на европейском континенте инвестиционные возможности для нее сократились. Таким образом, именно инвестиционное сотрудничество является для Британии стратегически важным направлением в Африке. Сохранилось и сильное британское влияние в ряде государств, особенно в Кении и Нигерии.

Необходимо также упомянуть Германию, которая в своей политике делает упор на государственно-частное партнерство. Поощряется вложение именно частного капитала, при этом обеспечиваются необходимые условия его функционирования, развиваются инфраструктурные и гуманитарные проекты и научно-образовательные связи.

Естественно, появляются и новые игроки. Только ленивый не упомянет Китай: объем торговли этого экономического гиганта с Африкой в последние годы превышает 200 млрд долл. – больше, чем у любой страны мира. Китай выделяет не так много инвестиций, но много кредитов, причем достаточно жестких. Они дают деньги на все и достаточно активно строят, создают технологические парки, но деньги впоследствии придется возвращать. Кроме того, длительное время Китай на всех объектах в Африке привлекал только китайскую рабочую силу. Сейчас они придерживаются новой концепции: во-первых, из-за серьезных разногласий с местными властями; во-вторых, с учетом того, что рабочая сила внутри самого Китая подорожала, гораздо выгоднее использовать местную рабочую силу.

Важным отличием китайского подхода является то, что КНР встраивает свою африканскую стратегию в концепцию собственного развития. То есть Пекин развивает отношения так, чтобы это придавало импульс к развитию в первую очередь экономики Китая. Эту идею стоит взять на вооружение и для российской стратегии работы с континентом. Китай вносит огромный вклад в развитие африканской инфраструктуры, их проекты по-настоящему колоссальны. При этом они не стесняются подчеркивать, что те или иные проекты реализуются именно Китаем, активно рекламируют себя.

Очень активно развивает свои отношения и Индия. Она как раз использует концепцию Глобального Юга, единения, движения неприсоединения и активно осваивает Восточную Африку. Бразилия тоже начала активно развивать отношения в первую очередь с португальязычными странами, но в последние два-три года сфера бразильского влияния расширилась и включает все больше других африканских стран.

Нужно упомянуть и Турцию, которая, будучи крупной региональной державой, уступает России по многим торгово-экономическим параметрам. Тем не менее торговый оборот Турции со странами Африки примерно в полтора раза больше российского и составляет 35 млрд долл. США. Турецкие авиа-

линии осуществляют 54 рейса в 45 стран Африки, став хабом, объединяющим Европу и Африку [Сучков, Седелев, 2019]. Турция играет и на поле общности интересов и ценностей, говоря об общей «антизападной» идентичности. Возможно, самое важное для нас то, что Турция – наш конкурент в сфере безопасности. Россия идет в Африку с концепцией обеспечения суверенитета и безопасности, что, помимо военной, охватывает еще и энергетическую, продовольственную, экономическую, идеологическую и информационную безопасность. А турки делают ставку именно на военный аспект, готовят большое количество специалистов этой сферы, в том числе и «на земле», повторяя, таким образом, опыт Советского Союза.

В последние годы активизировались и государства Персидского залива, в первую очередь ОАЭ. Реализуется широкий перечень совместных проектов, в том числе в сфере инфраструктуры. Они часто выступают совместно с китайскими инвесторами, а бывает, что и объединяются с европейцами.

Поэтому нам на этом поле есть что и с кем делить, и нужно искать свои уникальные ниши. Для этого необходимо четко определить, чего африканцы ждут от России, анализировать их программные документы, в частности, Повестку 2063, где в принципе основные цели развития континента определены. Также важно внимательно изучить программы каждой отдельной страны, понимая, что нет универсального сценария для всех африканских государств. Африканские страны разные, и у них разное отношение к России, хотя все-таки в целом отношение к нам в Африке очень положительное.

Л.Ч.: Африканское направление внешней политики России сегодня является стратегически важным. При этом существует колоссальный накопленный опыт взаимодействия со временем СССР. По Вашему мнению, какие подходы из прошлого могут быть эффективными сегодня? Какие новые идеи необходимо разработать для наращивания сотрудничества с континентом в текущих реалиях?

И.А.: Действительно, Советский Союз внес колоссальный вклад в развитие континента. Помимо активизации торговых отношений, было построено около 300 крупных промышленных объектов и более 1 тысячи объектов социальной и экономической инфраструктуры: прокладывали дороги, создавали университеты, строили больницы, открывали школы. СССР активно развивал экономические, культурные, научно-образовательные и политические связи с Африкой. Да, все это происходило в значительной степени на идеологизированной почве, на фоне противостояния Западу, когда мы понимали, что страны Африки являются нашим мощным политическим резервом. Тем не менее, мы создавали основы для становления африканских экономик и социальной сферы.

Мы действительно много инвестировали в Африку, и Африка должна была принести реальный крупный доход с этих инвестиций Советскому Союзу именно в 90-е гг. Но после распада СССР нас убедили в том, что наши национальные интересы никак не связаны с Африкой, а только с Западом. В результате мы практически прекратили все взаимодействие и, что особен-

но печально, перестали готовить кадры, резко сократили квоты для обучения африканцев. А ведь подготовка кадров – это основа наших будущих отношений и в экономике, и в политике. Во многом благодаря этому у нас сегодня такие хорошие отношения со странами Африки – выпускники российских вузов до сих пор занимают важные посты и в министерствах, и в крупных политических партиях континента.

Мы практически свели на нет наше военное сотрудничество и, по сути дела, ушли из Африки. Мы закрыли все наши рейсы, остался только один рейс в Каир. Мы закрыли торгпредства, осталось 4 – в Египте, Алжире, Марокко и ЮАР. Мы закрыли наши научно-исследовательские биологические центры. У нас было много ошибок по многим направлениям, но, вложив колоссальные деньги, инвестиции и надежды в Африку, мы в итоге это все отдали на откуп другим странам, которые на тот момент активно развивали свои отношения с Африкой – Западу, новым игрокам, в том числе Китаю.

Опыт был колоссальным, причем и в экономической сфере, и в подготовке кадров, и в выстраивании финансовых отношений. У Советского Союза в Африке были очень интересные схемы взаимодействия и оплаты, включая бартер или концессии. После распада СССР мы ушли от всего этого. Не было понимания, что Африка нам нужна в первую очередь для своего собственного развития. Сейчас это понимание наступило, пусть и несколько запоздало.

Что касается нового похода к работе с континентом, то сегодня нам нужно делать упор на то, в чем Россия сильна. И оказывается, что направления, где мы конкурентоспособны, действительно нужны Африке.

Речь идет об энергетической сфере, о предоставлении технологий и подготовке кадров в сфере продовольственной безопасности, о локализации российских производств, чтобы решить проблему безработицы. Ими востребованы российские технологии в космической сфере, ИТ-решения, в том числе в сфере кибербезопасности. Понятно, что речь не идет о закрытых военных разработках, но какие-то не очень сложные производства мы тоже можем запустить.

Представляется, что отличительной чертой российско-африканского партнерства может стать сотрудничество в научно-технологической и образовательной сферах. Так мы бы получили огромные возможности для апробации наших технологий, которые вполне применимы на африканском обширном и быстро растущем потребительском рынке. Например, на наших УАЗах до сих пор там ездят, приглашают построить завод в Африке. Это уже знакомые им технологии, эти машины адаптированы к местным климатическим условиям.

Помимо этого, у нас есть технологии высокого уровня и в сфере энергетики, и в сельском хозяйстве, космосе, строительстве и цифровой сфере. Например, системы организации городского хозяйства «умный город», налоговая система. Таким образом, я бы выделила перспективные направления для сотрудничества следующим образом: энергетика, продовольственная безопасность, космос, образование, технологическое взаимодействие. За-

тем строительство, развитие транспорта, т.е. инфраструктурные проекты, в первую очередь строительство железных дорог. Россия обладает серьезным опытом по этому направлению, в то время как в очень многих африканских странах железных дорог до сих пор нет. Сегодня используются в основном шоссейные дороги в довольно плохом состоянии. Мы могли бы также содействовать их улучшению, хоть мы и не первые в мире в этой области.

Обязательны контакты и в гуманитарной, и в культурной сферах, необходимо открывать новые Русские дома и продвигать русский язык, что уже делается. Министерство просвещения накануне саммита запустило интересный проект по открытию классов русского языка в целом ряде африканских государств. Нам также необходимо активнее работать с выпускниками российских вузов. Они часто обижаются, что мы с ними никак не взаимодействуем, а многие из них занимают сегодня очень высокие посты в своих странах.

Наконец, мы сдали свои позиции в информационной сфере. В 1990-е годы Россия закрыла множество представительств наших агентств. Сегодня они постепенно возвращаются, но с трудом – в основном из-за санкций. Нужно развивать сотрудничество в радио-сфере, ведь большинство африканцев слушают радио – это дешево. Китай уже активно развивает это направление, но в целом оно недостаточно проработано другими игроками, и тут у нас открываются возможности.

Надо учиться на старых ошибках. Наше сотрудничество должно быть pragmatичным, но не всегда нужно решать сиюминутные тактические задачи. Нужно сочетать их со стратегическими целями. Многие боятся долгих инвестиций, ищут быструю выгоду, но нужно закреплять свои позиции в Африке на долгосрочную перспективу. Африка в ближайшие десятилетия станет мощным экономическим центром и крупнейшим рынком. Чтобы мы к ней не шли с протянутой рукой завтра, нам нужно активно развивать сотрудничество с ее странами уже сейчас.

Л.Ч.: Важная составляющая так называемого «возвращения России в Африку» – Саммиты Россия-Африка. На Ваш взгляд, какие были ключевые результаты по итогам первых двух саммитов?

Первый саммит прошел в Сочи в 2019 г., на нем были представлены все страны континента, а 49 из них были представлены главами государств. Таким образом, мы побили рекорд Китая, на саммите которого присутствовало 40 первых лиц из Африки. На нашем саммите были представлены абсолютно все крупнейшие интеграционные объединения континента. Естественно, был Африканский союз (АС) во главе с председателем Комиссии АС Факи Махатом и всех восьми региональных экономических сообществ, также приехало очень много бизнесменов из Африки, причем их было примерно в два раза больше, чем российских. Атмосфера была дружеская, эмоциональная, слово «надежда» все время звучало. Но первый саммит, как таковой, был обречен на успех, потому что он был установочным и продемонстрировал, что Россия хочет вернуться в Африку. Была принята Декларация, подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Комис-

сией АС. С точки зрения конкретных результатов, было подписано контрактов на 15 млрд долл., но реально был реализован только один – контракт «Трансмашхолдинга» на поставку 1,3 тыс. железнодорожных вагонов в Египет.

Практически сразу после саммита началась пандемия *COVID-19*, и он подорвал те надежды и устремления, которые были заложены на Первом саммите. За период пандемии наш торговый оборот с Африкой сократился, и каких-то существенных изменений к лучшему в наших отношениях не произошло. Затем началась СВО. Изначально планировалось, что Второй саммит пройдет в 2022 г., более того, он должен был состояться в африканской стране, но по понятным причинам его перенесли. Тем не менее, было ясно, что второй раз привлечь африканцев этой самой надеждой уже не удастся. Требовалось перейти к конкретным договоренностям, проектам и продемонстрировать, что Россия возвращается в Африку всерьез и надолго, со своей концепцией, стратегией и четким планом действий.

В отличие от Первого, на Второй саммит приехало меньше первых лиц, а точнее 17 президентов, 5 премьеров и 5 вице-президентов. В целом на разном уровне было представлено 45 стран, а отсутствовали только те государства, которые состоят в тесном союзе с США, к слову, не такие крупные: Замбия, Сьерра-Леоне, Лесото и др. Крупнейшие же страны были представлены, причем на высоком уровне – Египет и ЮАР на уровне президентов, Эфиопия – премьер-министра (первое лицо в парламентской республике), Нигерия – вице-президентом.

На этом саммите шел уже более конкретный и деловой разговор, и, в отличие от Первого, на Втором саммите российских бизнесменов было уже в два раза больше, чем африканских. Это говорит о том, что наш бизнес наконец-то осознал, что нужно «идти в Африку».

Много вопросов касалось и продовольственной безопасности, и поставок зерна и удобрений. Наши гиганты «Уралхим», «Уралкалий» и «Фосагро» были активными участниками и выступили спонсорами саммита.

Что касается общения на мероприятии, то, несмотря на какие-то внешние реверансы в сторону Запада в официальных речах, активно говорили о возможностях и перспективах российско-африканского сотрудничества. На пленарном заседании саммита выступили председатель Африканского союза, Президент Коморских островов Азали Ассумани, который говорил о формировании нового миропорядка, и Дилма Русеф, которая возглавляет Новый банк развития БРИКС. Она раскрыла важную тему новых финансовых отношений в рамках Глобального Юга, в том числе с Африкой, и создания новой валюты БРИКС. Также выступил президент Афрэксимбанка Бенедикт Орама. Банк не самый крупный, но он проводит наши расчеты по многим торговыми-экспортным операциям с африканскими государствами.

С нашей стороны, помимо Президента, был Патриарх, что говорит о том, что у нас с Африкой общий ценностный ориентир – сохранение традиций, института семьи. Для африканцев это критически важно, и Патриарх очень много об этом говорил, а также уделил внимание религиозному разнообра-

зию. И в странах Африки, и в России переплетаются интересы и христиан, и мусульман, мы являемся многонациональными государствами. Наш опыт выстраивания отношений с разными нациями и народностями очень важен для стран континента.

Было принято четыре декларации по разным направлениям, в том числе по информационной и кибербезопасности, сотрудничеству в космической сфере. В отличие от Первого саммита был принят План действий на 2023–2026 гг., причем он носит очень конкретный характер. План действий был первоначально согласован со всеми африканскими государствами, а впоследствии предполагается проведение министерских конференций для «сверки часов» по выполнению его положений. После Второго саммита наблюдается большая динамика по сравнению с Саммитом 2019 г. Во-первых, три африканские страны были включены в список 26 приоритетных стран для развития внешнеэкономических связей – это ЮАР, Алжир и Египет. Отдельно разрабатывается еще и Стратегия развития сотрудничества с Африкой. На обсуждения приглашаются и компании, и министерства, и ведомства, и, главное, научные эксперты, в том числе, Ваша покорная слуга. У нас открылось за этот короткий период целых два новых торгпредства – в Эфиопии и в Нигерии. Россотрудничество открывает и новые культурные центры.

Единственное, чего не хватает, это кадров – африканистов. Нужно приглашать и студентов из Африки, и готовить квалифицированных африканистов в России, в первую очередь специалистов в сфере экономики. Очень важно и знание африканских языков, но также английского и французского. Нужны кадры, которые хорошо будут понимать этот континент, а для этого туда нужно периодически ездить.

Важно устанавливать прямые контакты, потому что сидеть и рассуждать об Африке в кабинете московского офиса – это одно, а другое дело, когда ты «на земле». Когда поживешь–посмотришь, то отношение меняется. Начинаешь понимать местных людей и то, чего они хотят, учитываешь специфику взаимодействия с ними и их устремления.

Л.Ч.: Практически все крупные внешние игроки в Африке проводят свои двухсторонние саммиты с континентом. Какие из них наиболее успешны на Ваш взгляд и почему?

И.О.: Формат саммитов важен, потому что туда приезжают первые лица. Во-первых, это создает возможность для общения в неформальной обстановке, а также подписания документов между главами государств. На последнем саммите, на котором были главы 17 африканских государств, наш президент провел встречи с каждым из них. Все желающие смогли с ним встретиться, в отличие от Дж. Байдена, который, проведя саммит США-Африка в декабре 2022 г., не встретился ни с одним африканским лидером. Во-вторых, формулируются программные планы и установки, подводятся итоги, если саммит уже не первый. Появляется возможность общения на горизонтальном и на вертикальном уровнях: приезжают министры, бизнесмены, деятели науки и культуры. На этих саммитах проходят выставки, где демонстрируются последние

достижения той или иной страны. И этот «компактный» вариант, когда ты можешь решить какие-то вопросы за короткий срок и в то же время получить новые впечатления, очень важен.

Основоположник проведения саммитов – Франция, которая начала эту традицию еще в 1973 г. Более того, до 1988 г. она проводила их раз в год, а после – два раза в год: один саммит проходил в Африке, второй – во Франции. С приходом Макрона было принято решение поменять формат и сделать упор на демократичность – теперь приглашаются не первые лица, а общественные организации. Саммит, который прошел в 2021 г. в Монпелье, позиционировался как новый саммит Африка–Франция. Основная их задача – сохранение французского влияния в Африке.

За Францией в хронологическом порядке следует Япония, которая проводит саммиты «TICAD», Токийскую международную конференцию по вопросам развития Африки, с 1993 г. Последняя, восьмая, конференция прошла в 2022 г. в Токио, и в ней приняли участие представители 48 стран, из них 21 была представлена на высшем уровне. Япония регулярно объявляет о выделении инвестиций африканским государствам. На этом саммите была заявлена цифра 30 млрд долл. США на ближайшие 3 года.

Саммиты Европейского союза проходят с 2000 года. Последний состоялся в г. Брюсселе в феврале 2022 года. От Африки участвовали представители более 40 государств, по итогам была подписана совместная стратегия до 2030 года, в которой было заявлено о выделении помощи на развитие Африки в 170 млрд долл., а также об инвестировании в Африку структурами ЕС на сумму не менее 150 млрд долл.

Китай также проводит саммиты с 2000 года, но они проходят раз в три года. Пекин тоже всегда анонсирует крупные инвестиционные проекты, а товарооборот с Африкой, по официальным данным таможенной службы КНР, достиг рекордных 282 млрд долл. По другим данным, эта цифра, вероятно, на 30 млрд меньше, но это, тем не менее, существенная величина. Китай заявил на министерской конференции в декабре 2021 г., что будет инвестировать в Африку ежегодно около 10 млрд долл.

Турция проводит саммиты с 2008 г., последний состоялся в 2021 г. в Стамбуле под лозунгом «Расширенное партнерство для общего развития и процветания». Основной фокус мероприятий – военное сотрудничество, общность интересов и менталитета, а также принадлежность к Глобальному Югу. По итогам мероприятия была опубликована итоговая декларация. Туда приехали 16 глав государств, что чуть меньше, чем в Россию, но присутствовало много министров. Всего было представлено 39 стран, и тоже был разработан пятилетний план совместных действий на 2021–2026 гг. В нем были прописаны основные направления сотрудничества, устанавливались контакты с Африканской континентальной зоной свободной торговли.

Также с 2008 года саммиты с Африкой проводят Индия. Последний из них прошел в 2015 году. Главная идея – это выделение льготного кредита порядка 10 млрд долл. на развитие и обучение 50 тыс. африканских студентов. Иными словами, Индия делает упор на подготовку кадров.

США стали проводить саммиты с Африкой с 2014 года, а второй, он же и последний, состоялся в декабре 2022 г. Туда приехало достаточно много лидеров, и основной идеей было желание поощрить те страны, которые стоят в фарватере проамериканской, соответственно, антикитайской и антироссийской политики. Им выдавались преференции, пообещали выделить более 50 млрд долл. инвестиций в течение трех лет. Т.е. больше, чем весь объем накопленных американских ПИИ, который составил 45 млрд долларов. На саммите много говорилось о развитии интернета в Африке, что очень важно для американцев, так как именно он является важнейшим инструментом воздействия на сознание и формирования ценностных ориентиров и внешней политики.

В 2020 г. и Великобритания впервые провела «Инвестиционный саммит Великобритании и Африки», где сделала упор на развитие в сфере инвестиций и сохранение своего экономического влияния в бывших колониях.

Нужно сказать, что все страны используют механизм саммитов для определения перспектив развития на глобальном уровне, отработки стратегии, подписания конкретных соглашений.

Л.Ч.: Стремление африканских стран принимать более активное участие в международных отношениях набирает обороты – было принято решение о присоединении Африканского союза к «Группе 20», а Египет и Эфиопия получили право на вступление в БРИКС в рамках последнего расширения объединения. В чем практическая польза от участия африканских стран в такого рода международных форматах?

И.О.: Участие африканских стран в международных форматах говорит о повышении роли Африки в системе международных отношений. Раньше об этом никто не думал, Африка рассматривалась в основном как объект международных отношений, как бенефициар западной помощи, как вечно ходящая с протянутой рукой территория, которой нужно помогать, потому что сами они ничего не могут.

Сейчас это изменилось, в первую очередь в экономическом плане. Растет уровень жизни и грамотность африканского населения, формируются крупные города, активно идет процесс урбанизации, возникает средний класс. Считается, что в 2030 г. примерно 500 млн африканцев будут относиться к среднему классу, а именно он составляет основу развития любой экономики. Его представители – это основные потребители товаров и услуг и двигатели экономического роста.

Конечно, Африка развивается в экономическом плане, поэтому приобретает новые политические амбиции и претендует на более серьезную роль, в

том числе в определении общей концепции международных отношений. Коллектив африканских стран уже предложил мирную инициативу по Украине, ЮАР – по палестино-израильскому конфликту. Вполне логично, что Африканский союз становится полноправным членом «Двадцатки». Они рассматривают эту площадку как возможность высказать африканское мнение о стратегии экономического развития всей нашей планеты, на то, как Африка себя видит участником этих глобальных экономических процессов. Они хотят показать свое желание перестроить международные экономические отношения, чтобы они стали более справедливыми.

Что касается участия в БРИКС, то он все-таки рассматривается как альтернативная антизападная площадка, хотя БРИКС никогда себя таковым не позиционировал. Мы же собираемся не для того, чтобы кому-то навредить, как часто делают американцы в своей концепции, в которой прямо прописаны антироссийская и антикитайская позиции. Мы, наоборот, нуждаемся в новой системе международных отношений, более справедливых и отвечающих интересам национальных государств, где отсутствуют отношения «подчинения и господства» и в рамках которых воздерживаются от использования таких финансовых инструментов, как санкции. Очень многие африканские государства, например, Зимбабве или Судан, тоже столкнулись с санкциями, и их опыт может стать интересным для России. В этом контексте важен БРИКС, который рассматривается как площадка для более справедливых экономических отношений между государствами, где отсутствуют давление, диктат и чрезмерное влияние. Это площадка для выстраивания новых механизмов взаимодействия, в первую очередь в финансовой сфере – с помощью валюты БРИКС, Нового банка развития и т.д.

Другое дело, что в БРИКС вступили два крупных игрока, Египет и Эфиопия, у которых между собой остаются неурегулированными важные вопросы. Это касается проблем распределения воды Нила и строительства на территории Эфиопии плотины «Ренессанс». Но я думаю, что в формате своего предательства Россия может послужить посредником или по крайней мере участником переговоров в рамках решения этого вопроса, в том числе благодаря хорошим отношениям и с Египтом, и с Эфиопией. В любом случае переговорная площадка расширяется, и из десяти государств–членов БРИКС три – африканские страны.

Помимо этого, была создана и начала функционировать Африканская континентальная зона свободной торговли. Создание этого объединения по своему значению, на мой взгляд, равно созданию ВТО в 1995 г. Тогда участниками ВТО стали 50 государств, а здесь 54. Все эти страны стремятся убрать таможенные ограничения и создать реальную зону свободной торговли в рамках континента. Это придаст импульс развитию экономики внутри континента, а также откроет новые возможности для внешних игроков и партнеров. Поставка своих товаров и услуг в одну страну открывает беспошлинный доступ и к другим странам Африки. Это большой стимул для всех партнеров

Африки и дальше расширять сотрудничество с этим континентом.

Л.Ч.: Последние 20 лет считаются периодом активной трансформации для Африки, при этом скорость изменений и темпы роста продолжают увеличиваться. Какой Ваш прогноз развития континента на следующее десятилетие, и какую роль в этом процессе может сыграть Россия?

И.О.: Мне кажется, что континент сейчас находится в положении тигра перед прыжком, как Китай где-то в 1995 г., когда страна уже накопила определенный потенциал благодаря внутренней трансформации после реформ Дэн Сяопина и появилось желание развиваться. Африка сейчас в таком же положении. При этом у нее для рывка есть все: минеральные и человеческие ресурсы, желание развиваться, молодое население, которое в целом становится все более образованным и информированным, равняется на более успешные страны и хочет жить так же. Энтузиазм, присущий Африке, поражает. Несмотря на все жизненные трудности, люди не впадают в депрессию: не случайно индекс человеческого счастья самый высокий именно в Африке. К тому же на континенте присутствует такое культурное и природное разнообразие: тысячи языков, наций и народностей.

Для успешного развития им необходимо, прежде всего, определить свои цели и задачи, объединить усилия внутри континента. Уже созданы восемь региональных экономических сообществ и Африканская континентальная зона свободной торговли. Объединяться нужно, ведь по отдельности свои проблемы они не решат из-за раздробленности народов, неправильного проведения границ колонизаторами и массы других неурегулированных вопросов и пограничных конфликтов.

Россия может способствовать развитию африканской молодежи. Причем необязательно это должно реализовываться через предоставление высшего образования. Я думаю, что Россия может сыграть огромную роль в подготовке квалифицированных кадров среднего звена. У нас уже есть опыт: и техники, и ПТУ были в СССР. Почему бы нам не заняться подготовкой квалифицированных кадров рабочих-африканцев для тех предприятий, которые Россия будет там открывать. Мы можем обучать их как в России, так и на месте. Это уже делали в «Трансмашхолдинге», когда в декабре компания привезла группу африканцев из ЮАР на свой завод в Твери, чтобы они на собственном опыте разобрались, как проходит процесс сборки тепловозов.

Мы можем открывать в странах Африки русские школы, открыть там профессиональные классы, а тех учеников, которые так или иначе уже чуть-чуть выучили русский язык, привозить к нам. Они могут по контракту поработать на заводе года три и стать квалифицированными рабочими, а затем вернуться в Африку и на месте смогут уже обучать местный персонал.

Что касается цифровых технологий, то континент показывает самые высокие темпы в мире, чему также способствует, как мне кажется, невероятно молодое население. В Африке реализуется масса весьма интересных проек-

тов по криптовалютам. Три африканские страны входят в десятку наиболее активно развивающих это направление: Руанда планирует вовсе отказаться от наличных денег; Нигерия ввела в прошлом году, накануне президентских выборов, электронную найру. Есть чему поучиться у африканцев в сфере финтеха.

Африке нужно опираться на свои богатейшие ресурсы, обеспечивать свой собственный суверенитет, готовить квалифицированную элиту, избавляясь от западного влияния и совместно с другими странами Глобального Юга строить справедливую и независимую экономику. Россия ускорила процессы глобальной трансформации и изменения соотношения сил между Западом и не-Западом, и в ближайшее десятилетие Африка будет встраиваться в этот новый мировой порядок, будучи там субъектом, который обладает более широкими возможностями. Если удастся пройти через эти изменения мирно, ведь старый мир будет цепляться любыми способами за сохранение своего доминирования, у Африки есть очень хорошие перспективы, поскольку экономическая сила уже переместилась с Запада на Восток.

Список литературы

1. Абрамова И., Фитуни Л. (2023) Второй саммит Россия–Африка: от наследия колониализма к суверенитету и развитию. *Мировая экономика и международные отношения* 67(12): 35–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-35-48.
2. Абрамова И., Фитуни Л. (2021) Стратегия России на африканском направлении: что изменилось после саммита Россия–Африка 2019? *Мировая экономика и международные отношения* 65(12): 68–78. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-68-78.
3. Волков С.Н., Дейч Т.Л. (2021) *Африка перед лицом современных вызовов и угроз*. М: Институт Африки РАН, 216 с.
4. Костелянец С.В. (2022) *Африка в глобальных миграционных потоках: история и современность*. Коллективная монография. М.: Институт Африки РАН, 378 с.
5. Сучков М.А., Седелев А.К. (2019) Национальные авиакомпании как инструмент «мягкой силы»: «Qatar Airways» и «Turkish Airlines». *Пути к миру и безопасности* 2 (57): 63–73. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-2-63-73.
6. Шитов В.Н. (2014) *Африка южнее Сахары. Тенденции и противоречия развития*. Монография. М: МГИМО-Университет, 94 с.

CONTOURS OF THE GLOBAL SOUTH: AFRICA AT THE CENTER OF INTERSTATE CONFRONTATION AND THE POSITION OF RUSSIA

Dr Irina O. ABRAMOVA – Director, Institute of Africa, Russian Academy of Sciences, Presidium Member, Full Member of RAS, Professor.

ORCID: 0000-0003-2407-0073. E-mail: irina.abramova@inafr.ru
 30/1 Spiridonovka, Moscow, Russia, 119454.

Lora Ye. CHKONIYA – Junior Research Fellow, Center of African Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-5689-7908. E-mail: l.chkoniya@inno.mgimo.ru
 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received February 21, 2024

Accepted March 4, 2024

Abstract: On the eve of the First Russia-Africa Summit in the fall of 2019, the Russian infospace for the first time started talking about new opportunities for Africa. The African theme became increasingly important with the start of the special military operation in Ukraine in February 2022, the subsequent adoption of the new Concept of Russian Foreign Policy of 2023 and the actualization of Russia's contacts with the so-called Global South. Contemporary Africa is not a continent of threats, as was commonly said a decade ago, but of opportunities. The very identity of more and more states on the African continent is growing. Many of them continue to build their capacities at the expense of their rapidly growing young populations. At the same time, against the backdrop of the emerging global scramble for Africa's raw materials and new attempts at resource colonization and fragmentation, the continent needs honest partners focused on a pragmatic but mutually beneficial approach. In this context, Russia actively advocates strengthening the sovereignty and development of the national economies of the continent, using the «two-way street» concept. The Russia-Africa Summits (in 2019 and 2023) marked a new milestone in Russia-Africa relations and led to concrete practical results: the establishment of new contacts and the strengthening of trust and mutual interest of representatives of political, business, scientific and cultural circles.

These and other topics were discussed by Lora Chkoniya, Junior Research Fellow (Institute for International Studies, MGIMO University), and Dr Irina Abramova, Director of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the RAS.

Keywords: Africa, Russian-African cooperation, international relations, Russia-Africa Summit, international trade, Global South

References

1. Abramova I., Fituni L. (2023) Vtoroj sammit Rossija–Afrika: ot nasledija kolonializma k suverenitetu i razvitiyu [The Second Russia-Africa Summit: From the Legacy of Colonialism to Sovereignty and Development]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations] 67(12): 35–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-35-48. (In Russian).

2. Abramova I., Fituni L. (2021) Strategiya Rossii na afrikanskom napravlenii: chto izmenilos' posle sammita Rossiya–Afrika 2019? [Russia's strategy on the African track: what has changed after the Russia-Africa Summit 2019?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations] 65(12): 68–78. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-68-78. (In Russian).
3. Volkov S.N., Deich T.L (2021) *Afrika pered licom sovremennoy vyzovov i ugroz* [Africa in the Face of Modern Challenges and Threats]. Moscow: IAfr RAN, 216 p. (In Russian).
4. Kostelyanets S.V. (2022) *Afrika v global'nyh migracionnyh potokah: istoriya i sovremennost'. Kollektivnaya monografiya* [Africa in Global Migration Flows: History and Modernity. Collective monograph]. Moscow: IAfr RAN, 378 p. (In Russian).
5. Suchkov M.A., Sedelev A.K. (2019) Nacional'nye aviakompanii kak instrument «myagkoj sily»: «Qatar Airways» i «Turkish Airlines» [National airlines as an instrument of «soft power»: Qatar Airways and Turkish Airlines] *Puti k miru i bezopasnosti* [Pathways to Peace and Security] 57(2): 63–73. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-2-63-73. (In Russian).
6. Shitov V.N. (2014) *Afrika yuzhnee Sahary. Tendencii i protivorechiya razvitiya. Monografiya* [Sub-Saharan Africa. Trends and contradictions of development]. Monograph. Moscow: MGIMO-University, 94 p. (In Russian).